

Глава 1

Наша встреча не была подстроена. Ни мной, ни Эдом, ни скрытыми руками, якобы дергавшими его за ниточки. Я не был мишенью, а Эд провокатором. Мы не находились под наблюдением, тайным или явным. Он бросил мне спортивный вызов. Я его принял. Пошли игры. Не было ни плана, ни конспирации, ни тайного сговора. Какие-то события в моей жизни — теперь их, правда, немного — поддаются единственному прочтению. Именно такой была наша встреча. О чем я не устал повторять, сколько бы раз меня ни заставляли ее описывать.

Субботний вечер. Баттерси, южный район Лондона. Я сижу в Атлетическом клубе, где числюсь почетным секретарем (довольно бессмысленный титул), в шезлонге с мягкой обивкой возле закрытого бассейна. Клуб, напоминающий пещеру с высокими стропилами, занимает часть бывшей пивоварни — с бассейном и баром в разных концах, а между ними проход, ведущий в раздевалки и душевые.

Я сижу лицом к бассейну и боком к бару, за которым расположен вход с улицы. Таким образом, я не могу ви-

деть, кто входит в клуб или читает объявления в коридоре, кто там арендует корты или вписывает свои фамилии в клубный журнал. В баре оживленная атмосфера. Молодые девушки и их ухажеры распивают напитки и весело щебечут.

Я в своем обычном бадминтонном облачении: шорты, фуфайка и новенькие удобные кроссовки. Я их купил, чтобы как-то пригасить донимавшую меня боль в левой лодыжке, которую потянул, продираясь через эстонские леса месяц назад. После затяжной череды заграничных тренингов наслаждаюсь заслуженным домашним отдыхом. Над моей профессиональной карьерой нависло облако, но я стараюсь, как могу, его игнорировать. Жду, что в понедельник меня отправят на все четыре стороны. Ну и ладно, говорю я себе снова. Тебе уже сорок шесть, ты неплохо потрудился, рано или поздно это должно было случиться, так что не о чем жалеть.

Тем утешительнее, что, несмотря на солидный возраст и ноющую лодыжку, я остаюсь на троне клубного чемпиона и не далее как в прошлую субботу отстоял титул лучшего одиночника против талантливого парня. Одиночная игра считается прерогативой быстроногих двадцатилетних, но я пока держусь. Сегодня, по существующей традиции, я как вновь коронованный чемпион успешно отбился в дружеском матче с чемпионом клуба-соперника в Челси по ту сторону реки. И сейчас он отдыхает рядышком после нашей схватки, с кружкой пива в руке, такой спортивный и амбициозный молодой барристер индийского происхождения. Он держал меня в напряжении до самой развязки, когда опыт и небольшая удача все перевернули в мою пользу. Возможно, сумма этих простых фак-

тов в какой-то степени объясняет мое благорасположение в момент, когда Эд бросил мне вызов, — а также мое чувство, пусть и недолгое, что на получении всех мыслимых удовольствий жизнь не заканчивается.

Мы с моим побежденным противником мирно болтаем. Тема — помню, как сейчас — наши отцы. Оба, как выяснилось, заядлые бадминтонисты. Его отец был всеиндийским серебряным призером, а мой, в течение одного удачного сезона, чемпионом британских вооруженных сил в Сингапуре. И вот, пока мы проводим эти забавные сравнения, я вижу, как наш администратор и бухгалтер Элис, родившаяся на Карибах, берет курс на меня. С ней очень высокий молодой человек, чье лицо я еще не вполне могу различить. Шестидесятилетняя Элис — чудаковатая осанистая особа, слегка задыхается. Мы с ней два самых старых члена клуба; я как игрок, она как главная опора. Как бы далеко меня ни заносила судьба, мы с ней непременно обменивались рождественскими открытками. И если мои послания отличались игривостью, то ее поздравления дышали святостью. Говоря “берет курс на меня”, я имею в виду, что они под предводительством Элис атакуют меня сзади, поэтому им нужно сначала пройти мимо меня и лишь потом развернуться ко мне лицом. Забавно, но они это делают в унисон.

— Мистер Нат, сэр, — церемонно обращается ко мне Элис. Чаще я для нее “лорд Нат”, но в тот вечер она понизила меня в звании до простого рыцаря. — Этот хорошо воспитанный юный красавец желает поговорить с вами наедине. Но он боится потревожить вас в минуту вашей славы. Его зовут Эд. Эд, поздоровайтесь с Натом.

В моей памяти Эд так и остался: стоящий в паре шагов позади нее долговязый, под метр девяносто, очкастый парень, от которого веет одиночеством, а на губах играет смущенная полуулыбка. Запомнилось двойное освещение: оранжевая полоска из бара придает ему небесное сияние, а подсвечивающие снизу фонари бассейна еще больше удлиняют его силуэт.

Он делает шаг вперед и становится реальным. Два больших неуклюжих шага — левой, правой, стоп. Элис отбывает. В ожидании слов я изображаю на лице терпеливую улыбку. Волосы темные, взъерошенные, ученически-внимательный взгляд больших карих глаз, какой-то неземной за счет очков, и длинные, до колен белые шорты, в каких обычно ходят яхтсмены или сыновья бостонской аристократии. На вид лет двадцать пять, хотя этим вечным студентам запросто может быть и меньше, и больше. — Сэр? — наконец обращается он ко мне, и не сказать чтобы с особым почтением.

— Нат, если не возражаете, — поправляю я его с улыбкой.

Вертит в голове. Нат. Обдумывает. Морщит клювообразный нос.

— А я Эд, — выдает он, повторяя для меня уже сказанное Элис. В Англии, куда я недавно вернулся, ни у кого нет фамилии.

— Привет, Эд, — весело подхватываю я. — Чем могу быть вам полезен?

Очередная пауза, пока он это обдумывает. Затем выдает:

— Я хочу с вами сыграть. Вы ж чемпион. А я новенький. Вступил в клуб на прошлой неделе. Ага. Я записался в очередь и все такое, но пока подойдет моя очередь, это ж сколько месяцев ждать!

Слова вырываются из застенков. Он берет паузу, переводит взгляд на моего добродушного соперника и снова на меня.

— Слушайте, — напирает он, уговаривая меня, хотя возражений вроде бы не поступало. — Это ваши порядки. — От негодования градус поднимается. — Я, что ли, виноват? Я только спросил Элис. А она мне: “Спросите у него сами, он не кусается”. Вот я и спрашиваю. — На всякий случай он поясняет: — Я видел, как вы играете. И разобрался кое с кем из тех, с кем разобрались вы. И даже с парочкой таких, кому вы проиграли. Уверен, что смогу вам противостоять. Без дураков, ага. Вот увидите.

Ну что вам сказать по поводу его речи? В выстраивании наших соотечественников на ступеньках социальной лестницы исходя из их выговора я не самый сильный мастер салонной игры, освященной многовековой британской традицией. Слишком уж много времени я провел за пределами родной страны. Но на слух моей дочери Стефани, твердо стоящей на позиции равноправия, речь Эда, пожалуй, звучала бы довольно сносно, то есть не свидетельствовала о частном образовании.

— А позвольте полюбопытствовать, Эд, где вы играете? — задаю я ему стандартный вопрос.

— Везде. Там, где есть приличные соперники, ага. — И вдогонку: — Я слышал, вы член клуба. В других разрешают просто поиграть за деньги, а тут нет. Тут сначала надо вступить в клуб. По-моему, это жульничество. Но я вступил. Заплатил х...ву тучу.

— Сочувствую, Эд, что вам пришлось раскошиться, — замечаю я как можно доброжелательнее, приписав “х...ву тучу” излишней нервозности. — А против игры не возражаю. — Я уже вижу, что разго-

воры в баре поутихли и многие головы поворачиваются в нашу сторону. — Давайте назначим какой-нибудь день. Вы меня заинтриговали.

Но Эду этого мало.

— А вас когда устраивает? Реально. А не “какой-нибудь день”, — настаивает он, чем вызывает смех в баре. Судя по гримасе, это ему неприятно.

— Эд, в ближайшую неделю или две не получится, — признаюсь более-менее честно. — У меня серьезные дела. Давно откладываемый семейный отдых, — уточняю я в надежде увидеть понимающую улыбку, но встречаю все тот же непроницаемый взгляд.

— И когда вы вернетесь?

— В следующую субботу, если обойдется без переломов. Мы едем кататься на горных лыжах.

— Куда?

— Франция. Под Межевом. Вы катаетесь?

— Катался. В Баварии. Тогда в воскресенье?

— Боюсь, это должен быть будний день, Эд, — говорю я твердо. Семейные выходные для нас с Прю наконец стали реальностью, и это святое. Сегодня — редкое исключение.

— Значит, один из будних дней через две недели, так? Какой? Выберите. Слово за вами. Я подстроюсь.

— Пожалуй, понедельник, — предлагаю я. По понедельникам в вечерние часы моя женушка проводит юридические инструктажи *pro bono*¹.

— Значит, понедельник, через две недели. Шесть? Семь? Во сколько?

— А вам когда удобно? — спрашиваю. — Мои планы пока в подвешенном состоянии. Может, к тому времени я вообще окажусь на улице.

1 Бесплатно (*лат.*).

— Иногда меня по понедельникам задерживают на работе, — прозвучало как жалоба. — Как насчет восьми? Восемь вечера вас устроит?

— Вполне.

— А корт номер один, если мне удастся его заказать? Элис говорит, что они не любят отдавать корт одиноким, но вы — случай особый.

— Я согласен на любой корт, Эд, — заверяю я под очередной взрыв смеха и аплодисменты из бара — видимо, за его настойчивость.

Мы обмениваемся номерами мобильных телефонов, что всегда ставит меня перед некоторой дилеммой. Я даю ему свой семейный номер, чтобы он послал сообщение, если возникнет какая-то проблема. Он просит меня о том же.

— Э, Нат. — Напряжение в его голосе вдруг куда-то исчезло.

— Что?

— Хорошего вам семейного отдыха, о'кей? — И на случай, если я успел забыть: — В понедельник, через две недели. Восемь вечера.

Под всеобщий смех и аплодисменты Эд, беззаботно махнув рукой, отправляется в мужскую раздевалку.

— Кто-нибудь его знает? — спрашиваю я, неожиданно поймав себя на том, что повернулся и проводил его взглядом.

Все мотают головами. Извини, дружище.

— Может, видел, как он играет?

Та же реакция.

Я провожаю своего гостя и соперника и по дороге в раздевалку заглядываю к администратору. Элис склонилась перед компьютером.

— Эд. А по фамилии? — задаю я вопрос.

— Шэннон, — отвечает она, не поднимая головы. — Эдвард Стэнли. Живет в городе. Персональное членство оплатил через банк.

— Род занятий?

— Мистер Шэннон исследователь. Что или кого он там исследует, не сообщил.

— Адрес?

— Хокстон, в районе Хакни. Там же, где живут мои сестры и кузина Эми.

— Возраст?

— На членство для подростков не потянул. А сколько лет перебрал, он мне не сообщил. Все, что мне известно: паренек рвется в бой, проехал на велосипеде через весь город, чтобы вызвать на бой чемпиона Южного Лондона. Он про тебя слышал и вот явился собственной персоной, как Давид к Голиафу.

— Так и сказал?

— Я сама за него додумала. Ты засиделся в чемпионах, Нат. Как и Голиаф. Тебя интересуется, кто его мамаша и папаша? Какая у него ипотека? Сколько он отсидел?

— Доброй ночи, Элис. И спасибо.

— И тебе, Нат, того же. Не забудь передать от меня сердечный привет Прю. Не стоит так дергаться из-за парня. Ты его сделаешь, как всех этих молокососов.